

Марианна Красовская
Алмазная лилия

Марианна Красовская

Алмазная лилия

«Автор»

2023

Красовская М.

Алмазная лилия / М. Красовская — «Автор», 2023

И не то, чтобы моя жизнь – унылое... эээ... оно. Хотя скажем прямо, если тебе почти тридцать, у тебя лишний вес, ты работаешь в библиотеке и живёшь с мамой – это не предел мечтаний. Но когда на горизонте появляется ненормальный папаша, сообщающий тебе, что он – гном из другого мира, начинаешь понимать, что все было не так уж и плохо. В смысле, наследница? В смысле, замуж за делового партнёра? Мне нравятся высокие блондины, а гномы – не нравятся!

Содержание

1. Лилия Крышка	5
2. Доказательства	9
3. Дом, милый дом	13
4. Княжеский бастард	17
5. Наглость – второе счастье	20
6. Особые обстоятельства	23
7. Алмазная Лилия	27
8. Смотрины	30
9. Жених	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марианна Красовская

Алмазная лилия

1. Лиля Крышка

Меня зовут Лилия. Как Лилия Брик, только не Брик, а Горшкова. Замечательно звучит, правда? Лилия Горшкова. Примерно так же круто, как Изабелла Тяпкина или Эмилия Сидорова.

Ничего не поделаешь, мама – большая поклонница Маяковского. Наверное, она надеялась, что я стану немного Брик. Но фамилия все же перевесила. Поэтому я – Крышка. Так меня в школе прозвали. Горшок – Кастрюля – Крышка, логику улавливаете? Ну, и ещё потому, что я неуклюжая. В любом деле – мне крышка.

Не красавица – что есть, то есть. Обыкновенная среднестатистическая девушка (или уже женщина?) почти уже тридцати лет. Живу с мамой в хрущевке, работаю в библиотеке, потому что мозгов особых тоже нет. Талантов нет, талии нет, красивых голубых глаз нет, обаяния нет. Короче, не веселая у меня жизнь, если честно. Всего и достоинств, что волосы густые, мягкие, цвета выбеленной солнцем соломы да грудь четвертого размера. Но поскольку последняя идёт в комплекте со складками на боках и целлюлитом на попе – так себе достижение, если честно.

Волосы у меня от мамы. Она-то красавица и умница, не то, что я. Высокая, стройная, да еще и главбух на большом заводе. Она ценный специалист, меня вот в библиотеку на заводе пристроила, потому что мы обе понимаем, что институт-то я закончила, но вот технарь из меня – как из литровой банки ваза. То есть работать могу, а вот эстетики никакой.

В принципе, я не жалуясь. Бывает и хуже. Наверное.

Ну подумаешь, отношений никогда не было и с мамой живу! Зато здоровье у меня железное и кот красивый.

В библиотеке невкусно пахнет бумажной пылью, надо переписывать на карточки пришедшие сегодня технические журналы, а мне хочется читать любовный роман, тайно пронесенный через проходные, или торчать в инстаграме, разглядывая фотографии одноклассников с моря. Я-то на море ни разу не была, куда мне с зарплаты библиотекаря. Мама у меня могла бы позволить себе, но она трудоголик, ей даже в выходные звонят постоянно, а она и рада.

А море красивое. Голубое. Фотошоп, наверное. Я же видела водохранилище у нас в области. Оно почти как море, только пресное. Никакое оно не голубое, обычная мутная коричнево-серая вода, как в речке. Как вся моя жизнь.

Мама всегда ругается, когда я ною, а я даже не представляю, как ей объяснить, что жизнь у меня одна, и я ничего в ней не видела. Она-то и на море была, и за границей пару раз. И ребенка вон родила, пусть и без мужа – курортный роман у неё был. А я даже этого лишена, хотя все мои одноклассницы уже сходили замуж, некоторые и не один раз. Вот бы и мне на море... и курортный роман! Чтобы хоть узнать, что это такое – любовь. В книжках все красиво. Он смотрит на нее пристально и жадно, а у нее колени слабеют и бабочки в животе. Эх!

У меня вот колени только один раз в жизни слабели: когда физкультурник требовал, чтобы я через козла прыгала. Который мне ростом по шею. Я что тогда самая мелкая в классе была, что сейчас – метр с кепкой в прыжке. А козла я тогда опрокинула и руку вывихнула, поэтому больше меня на физкультуре не трогали.

– Лилия, вот ещё КШП¹ пришли, – плюхнула передо мной на стойку пачку журналов Ната, наш курьер. – Мне есть что в цеха отнести?

¹ КШП – журнал «Кузнечно-штамповочное производство»

– Нет, Наточка, – я наверное ужасно покраснела. – Я пока не разложила. Ну вот как раз кузнечное производство внесу в базу и тебе сообщу.

– Ладно, – согласилась Натка, усаживаясь на стул. – Чайку налей тогда, убежалась я.

– Сама налей, – буркнула я. – Сидишь же рядом.

Ната не обиделась. Чайник, действительно, был ближе к ней, чем ко мне.

– А сахар есть? А печенье?

– Сама же знаешь, что нет, – вздохнула я. – Я на диете. И так работа сидячая, с печеньем я ещё больше растолстею.

– По-моему, ты вообще воздухом питаешься, – укорила меня стройная, как лань, подруга. – К диетологу сходи, а еще лучше – к эндокринологу.

– Ага, уже бегу, – фыркнула я. – У нас в поликлинике таких врачей сто лет как нет. А платно, знаешь, дороговато.

– Это да, – вздохнула Ната, извлекая из своего рюкзака шоколадку и соблазнительно шурша фольгой. – На наши зарплаты нужно с детства вести здоровый образ жизни. Помереть дешевле, чем заболеть.

– Ты цены на места на кладбище видела? – возразила я. – Не дешевле.

Мы с мамой пару лет назад хоронили деда, знаем. Поэтому я в своих словах уверена.

– Ладно, я помчалась, – наконец, отставила чашку Натка. – Мне надо в кузницу договор отнести и в КБ рекламные буклеты. Ты тут не кисни, ага?

Я пожалала плечами. Не кисну. У меня книга есть. Про любовь.

Первое, что меня удивило и изрядно напугало, когда я пришла домой – дверь была закрыта изнутри. Это значило, что мама уже дома. Она никогда не приходила с работы раньше меня. Неужели что-то случилось? Заболела?

Я забарабанила в дверь сначала костяшками пальцев, потом ключами, потом ногой – звонок у нас никогда не работал, да он и не нужен, если есть домофон.

– Ну чего долбишься? – недовольно сказала мама, открывая мне дверь. – Весь подъезд слышал!

Я с облегчением убедилась, что на вид она в полном порядке, даже лучше, чем обычно: при макияже и в нарядной блузке. Ой!

Вторым шоком стали ботинки. Мужские ботинки размера этак сорок пятого. По внешнему виду – байкерские, тяжёлые, с квадратным носом и мощным каблуком. Ой!

– Мам, у тебя свидание? – испуганным шепотом спросила я. – Мне надо погулять?

– Не выдумывай, Лилия, какие в моем возрасте свидания? – строго ответила мама. – И вообще, я бы позвонила, предупредила.

– У нас гости? – ничего не понимала я, скидывая туфли и засовывая ноги в пушистые розовые тапочки.

– Ага. Проходи на кухню.

Я и прошла. На нашей крошечной кухне на крошечном табурете за крошечным обеденным столом сидел массивный, словно шкаф, мужчина. С бородой. Нет, первое впечатление обманчиво. Это не шкаф. Скорее, комод. Потому что вширь и ввысь он примерно одинаковых габаритов.

Когда-то я спрашивала маму, кто был мой отец. Давно. Ещё в детстве. Она сказала – какая к черту разница, если его в нашей жизни нет? Ну, он красивый был. Обаятельный. Весёлый.

Что сказать: никакого обаяния и уж тем более веселья я В ЭТОМ не видела. Скорее, он был пугающим. И чёрный классический костюм на нем смотрелся нелепо, ему бы больше кольчуга подошла. И топор. Или молот. Что мама вообще в этом гноме нашла?

Потому что я как-то сразу поняла, откуда у меня маленький рост и плотное телосложение. В папу, чтоб его!

- Ну здравствуй, – холодно поприветствовала я блудного родителя. – Чего припёрся?
- Лилия! – придушенно ахнула мама за спиной.
- Что "Лилия"? Зачем ты вообще пустила ЭТО в наш дом?
- Генрих – твой отец!
- Я догадалась. Стоп, что? Какой к черту Генрих? Я Владимировна!
- Ну... Лилия Генриховна звучало как-то слишком пафосно, – растерянно ответила мама, вдруг потеряв всю уверенность. – Лилия Владимировна красивее. И потом, я не думала, что Генрих вообще нас когда-нибудь найдет!
- Как видишь, он проявил чудеса дедукции. Ты что, ему моего чая заварила? – я с возмущением принялась и заглянула в свою любимую большую чашку, которая теперь стояла перед ЭТИМ. – Как ты могла!
- Генрих любит чай...
- Мама!.. А хотя ладно. Разбирайся с ним без меня. Я пойду погуляю лучше.
- Стоять! – рявкнул ЭТОТ басом. – Сидеть!
- Я вообще-то девушка порядочная и воспитанная, но сейчас, глядя в наглые серые глаза, членораздельно и громко произнесла, куда ему следует пойти. Да-да, именно туда, где побывала моя мать, когда мной забеременела. Да, матом.
- Лилия!
- И ты тоже... иди, – послать матом мать все же язык не поворачивался.
- Лилия, да послушай же! Генрих приехал за нами! Мы... будем жить с ним.
- Я с искренним изумлением посмотрела на мать. Она что, свихнулась? Ей всего сорок восемь, рановато для маразма.
- Девочка...
- Слушай, папаша, ты не понял? – ух, Лилия разозлилась. – Тебе объяснить на пальцах, куда я тебя послала?
- Он вдруг загоготал, хлопая огромной ладонью по столу, который жалобно затрещал, и осклабился.
- Моя девочка, никаких сомнений! Алла, выйди.
- Мама быстро закивала и исчезла, предательница. Я скрестила руки на груди, оперлась спиной на косяк двери и выжидаяще на него уставилась. Ну давай, поведай мне душещипательную байку, как ты годами нас искал и наконец нашёл.
- Лилия, ты мой единственный ребёнок, – пробасил "гном".
- Допустим.
- Других у меня не будет. Все, отгулялся.
- Импотенто? – сочувственно покивала я и, увидев недоумение на его лице, пояснила. – Бобик сдох? Не стоит?
- А, ты об этом. Стоит. Но после сильного облучения я бесплоден.
- И ты вспомнил, что есть я?
- Ну, не то, чтобы вспомнил, – скривился Генрих. – Я понятия не имел, что у меня есть ребёнок. Мы с твоей матерью только однажды и виделись. Ну, не в том смысле однажды, что однажды...
- Избавь меня от подробностей! – выставила ладони вперёд я. – Я поняла. Вы больше не встречались. После того краткого романа.
- Угу, так и есть. Я и забыл про неё.
- Я поджала губы. Нет бы про вечную любовь заливал!
- Я с тобой честен! – напомнил этот. – И вообще я бы сына предпочёл. Но что родилось, то родилось.
- А чего от нас хочешь? – мне начинал нравиться этот чувак.
- Наследница моя ты. Я богатый. Очень. Честно.

– Чем докажешь?

Он, мрачно глядя на меня, вытащил из кармана замшевый мешочек и вытряхнул из него... мама дорогая! горсть прозрачных сверкающих камней, самый крупный из которых был величиной с перепелиное яйцо.

– Это что, брюли? – ахнула я. – Настоящие?

– Тебе бумагу показать? Или ювелира пригласить?

– Ты вор? – прямо спросила я. – Ювелир? Сторож в Алмазном фонде?

– Я... пожалуй, владелец прииска. Приисков, – важно ответил мужик.

– Охренеть.

– Ага.

– И насколько ты богатый?

– Ну... весь этот город могу купить.

Я не то, чтобы ему поверила. Но вдруг сразу вспомнила, что в холодильнике у нас мышь повесилась, а еще я моря ни разу не видела. Нет, такой папаша все же лучше, чем алкоголик, правда?

– Допустим, я тебе верю, – осторожно сказала я, отлипая от косяка, садясь за стол и трогая ногтем один из камушков. – Только это... бесплатный сыр лишь в мышеловке бывает. Меня смущает то, что ты нас нашёл. Ну отписал бы всё племянникам, двоюродный братьям или кому там ещё. Я-то тебе зачем?

– Ты родная, – отвел глаза бородач. – Ну и вообще...

– Поподробнее.

– Я цверг.

– Чего-о-о?

– Цверги – это...

– Я вообще-то в библиотеке работаю, – перебила его я. – Цверги – это гномы. Или у тебя фамилия такая? Генрих Цверг, немец, ага. Только в Германии нет приисков.

– Гномы – это слово ругательное. Не надо так.

– Ага, как негры.

– Именно. Быстро схватываешь. Вся в меня.

Мне захотелось стукнуться головой об стол.

– Вон пошёл, – мрачно сказала я. – И без справки от психиатра не приходи.

– Лилия...

– Мне полицию вызвать? Я говорю, давай, проваливай, и стекляшки свои забери. Гном недоделанный.

– Я никуда не пойду.

– Мам, вызывай полицию!

– Да выслушай ты меня! – грохнул кулаком об стол мужик. Стол не выдержал такого наезда и, крикнув, развалился. – Ох ты ж...

– Ладно, тогда я уйду, – попяtilась я. – Ма-а-ам! И психиатрическую бригаду!

– Так, ладно. Я уйду. Но завтра вернусь.

– Со справкой от психиатра.

– С доказательствами.

2. Доказательства

– Мам, если ты ещё разпустишь в дом этого ненормального, я сдам психиатрам тебя, – раньше я никогда не позволяла себе разговаривать с матерью в таком тоне, но сейчас я вдруг ощутила себя старше и мудрее, чем она. – Ты понимаешь, что он неадекватен?

– Лилия, доченька... Он мне такую ересь не говорил. Просто сказал, что искал своих детей, потому что стал бесплоден. Что деньги есть. С жильём обещал помочь. И вообще готов жениться на мне и официально тебя признать.

– А оно нам надо?

– Тебе нравится в библиотеке, да? – неожиданно тоскливо спросила родительница. – Хочешь там всю жизнь пахать? Знаешь, как я бухгалтерию эту проклятую ненавижу? И ответственность эту? Я в отпуске нормальном двенадцать лет не была. А до пенсии мне ещё долго.

– Ты ж трудоголик, – растерянно напомнила я маме.

– Ху... Алкоголик, – передразнила меня мама (мне показалось, что она хотела сказать по-другому). – Потому что дуры эти напортачат, если за ними не следить. Сама ж знаешь, что у нас жена и племянница генерального работают, а теперь ещё и любовница главного энергетика. Из нормальных – только Маша, но она беременная. Ну ещё Света умница, но у неё дети постоянно болеют. А если зарплату неправильно посчитают, кто виноват будет?

Я молчала, потому что не знала, что ответить. Что у мамы должность ответственная, я знала. Что зарплата у жены генерального выше, хотя она не очень старательный работник, тоже знала. Но вот такого отчаяния в мамином голосе я никогда не слышала.

– Мам, но ведь он реально псих, – прошептала я.

– Я поняла уже, – устало опустила она плечи. – А так хотелось сказки!

Я заморгала, а потом принялась поднимать с пола блестяшки, которые ЭТОТ даже не потрудился собрать. Интересно, сколько стоят кристаллы Сваровски? Или это цирконы? Завтра отнесу в ломбард один из камушков, оценю.

А стол теперь придётся новый покупать, полоумный папаша этот убил окончательно. Жаль, хороший был стол. Не такой уж и старый, лет семь ему всего. А это значит, что кто-то в этом месяце переживёт без нового платья, ну и ладно, джинсы же есть, они удобнее.

– Девушка, вы уверены? – испуганно спросила я оценщицу. – Бриллиант?

– Да. Два с половиной карата. Чистый. Старинная работа, сейчас такую огранку редко встретишь.

– И сколько он стоит? – дрожащими руками спрятала я камушек в мешочек.

– Огранка... ну пусть условно "кушон", она наиболее близка. Чистота 5, цвет тоже 5, – девушка в белоснежной рубашке и красной жилетке пощелкала калькулятором и перевернула устройство таблом ко мне.

Я слотнула. 60 тысяч рублей. Шестьдесят, мать его, тысяч! И это я ещё маленький камушек выбрала. Сколько же папаша нам приволок? Я не сосчитала. Но больше двадцати, это точно. Псих? Откуда он их спер? Нас арестуют? Зачем он оставил у нас это вот всё? Мамочки, мне реально страшно!

Вернулась домой и вместо ужина принялась измерять камни утащенным с работы штангенциркулем. И не спрашивайте, откуда он в библиотеке!

Итого: тридцать камней, самый маленький из которых, если верить интернету, 2 карата, а самый большой... 60 каратов, кажется.

– Крупнейший бесцветный бриллиант размером с перепелиное яйцо и весом в более ста одного карата продан на аукционе Christies в Гонконге за 6 миллионов 200 тысяч долларов,

сообщает официальный сайт аукционного дома, – зачитала мама из интернета и подняла на меня безумные глаза.

– Тут нет ста каратов, – пролепетала я. – Только шестьдесят. Наверное.

– Лиль, ты понимаешь, что если он настоящий...

– Если он настоящий, и мы притащим его в ювелирный, нас арестуют, – мрачно согласилась я. – Или убьют и закопают в лесу.

– Именно. И Лиль, он не может быть краденым. Иначе об этом бы трубили все СМИ.

– Одно из двух, – шепнула я, облизывая пересохшие губы, – или это подделка...

– Или он в самом деле гном.

Мамины слова отчего-то уже не казались безумными. Я дрожащими руками собрала камни в мешок, завязала шнурок и оглядела квартиру. Спрятать их было у нас негде.

– Ты паспорт в ломбарде показывала? – спросила мать. – Они могут тебя найти?

– Не нагнетай.

– Что не нагнетай, Лиль? А если это не фальшивка? Да нас за эти камни сто раз порешат.

Не только нас. Весь дом. Все пять этажей, все девяносто квартир!

– А ведь он говорил, что может весь город купить...

Так страшно мне не было никогда в жизни. Вот уж не думала, что буду буквально молиться, чтобы этот псих вернулся и забрал свои стекляшки. Я даже на работу позвонила и взяла отгул, потому что представить себе не могла, как можно оставить мешочек дома. А вдруг его украдут? Нет, нас ни разу не обносили. Но бредовые идеи матери вдруг стали пугать и меня. Взять камни с собой на работу тоже невозможно. Нас часто обыскивают на проходных, а если найдут? Как я объясню их наличие? Если бы не кот, который, чувствуя мою нервозность, успокаивающе мурлыкал мне в ухо, а потом нагадил в тапки, опрокинул кактус и бегал по коридору с утробными завываниями – чтобы отвлечь, видимо, я бы и вовсе свихнулась.

Появление папаши я встретила едва ли не воплями счастья. Он пришёл около полудня, когда нас с мамой и дома-то не бывает. Псих и есть псих, что с него взять! Я затащила его в квартиру и тут же сунула в руки мешочек. Честное слово, у меня гора с плеч упала, когда я его сбавила!

– Лилия, я вот принёс... – папаша бочком протиснулся мимо меня в коридор, потом в сторону кухни. – Доказательства. А где вы вчера были?

– На работе, вообще-то.

– Вы работаете?

– А жить нам на что? Алименты ты ж зажал.

– Да не знал я! – грохнул он, а потом снова утих. – Правда, не знал.

– Не ври, – неожиданно для себя сказала я. – Все ты знал. Просто... девочка не нужна была.

– Ладно, – вздохнул Генрих. – Твоя правда. На гобелене семейном отросток пошёл. Знал, но решил, что это неважно. Мальчика бы забрал, а от девочки, да еще полукровки, толк какой? Замечательно. Вообще-то я пальцем в небо ткнула, но за правду спасибо.

Гном тем временем деловито выкладывал на подоконник какие-то кольца и кинжалы. И браслет ещё, кажется, из стали.

– Это браслет регенерации, – пояснил он, видя мой заинтересованный взгляд. – Примерь.

Я протянула руку. Осторожно взяла прохладный металл. Тонкая работа: переплетающиеся цветы и стебли словно настоящие, только покрытые металлом. А крохотная ящерка с зелёным глазом-камушком оказалась застёжкой. Гном как-то по-хитрому нажал на нее, и браслет разломился в моих руках. Генрих помог мне его застегнуть. Мне кажется, или браслет создан будто бы для меня? Охватывает запястье мягко, не давит, но и не сильно скользит. Пока я любовалась произведением искусства, равного которому я никогда не встречала, скотский

папаша схватил кинжал и щедро полоснул им по моей ладони. Я, естественно, заорала. Больно было. Очень.

– Тихо, тихо, – сжал мою руку ЭТОТ. – Смотри!

Я смотрела. На моих глазах довольно-таки приличный порез начал затягиваться. Края его сдвинулись, превращаясь в царапину, потом царапина побледнела. Только уже подсыхающая кровь говорила мне, что это не сон. Я подошла к раковине, вымыла ладонь и внимательно оглядела её. Ни следа. Он гипнотезер? Или это в самом деле... магия?

– Слабенький браслетик так-то, – бубнил за моей спиной папаша Генрих. – Ювелирный. От порезов, ожогов, мелких неприятностей. Руку обратно не вырастит, максимум – ноготь. А есть ещё кольца: бодрости, удачливости, интуиции...

– Всевластия, – не удержалась я.

– Что? – удивился ЭТОТ. – Такого у нас нет. К счастью.

– А плащ-невидимка?

– Маскировочный, что ли? Это к эльфам.

– Еще и эльфы?

– Формально, они не эльфы, а альвы, эльфами их зовут за спиной.

– И что, они красивые высокие блондины? – заинтересовалась я.

– Ну да, высокие. Только красавцами их не назвать: тощие, убогие, хрупкие, ещё и не пьют. Но воины хорошие, тут не поспоришь. Ты мне теперь веришь?

– Не совсем, – призналась я. – Слишком уж на бред сумасшедшего смахивает. А люди у вас есть?

– Разумеется. Они везде есть, во всех мирах.

– И как твой мир называется?

– Цвергбьенген. Это земли цвергов.

– Язык ломаешь.

– Ну или просто Алмазные Горы. Мой клан там живёт.

– А альвы? Альвбьенген?

– Эглунд.

– Круто. А кто у вас ещё есть?

– Деточка, так пойдём со мной, и узнаешь, – вкрадчиво предложил папаша. – В гости тебя приглашаю. И Аллу, конечно, тоже. Поглядишь, осмотришься, познакомишься с родней. Не понравится – вернёшься.

– Типа экскурсии? – с подозрением спросила я.

– Да. Путешествие небольшое. На недельку, а?

– На неделю не выйдет, – с сожалением вздохнула я. – Отпуск у меня по графику в январе, а отгулов больше трех дней не дадут. Не положено. У нас ведь завод, режимное предприятие.

– И кем ты на заводе работаешь? – тоскливо спросил гном.

– Библиотекарем, – так же тоскливо ответила я.

– Это хорошо, – неожиданно обрадовался Генрих. – Почетная профессия хранителя знаний! А скажи мне, у вас там по кузнечному делу свитки имеются какие-нибудь?

Я вспомнила журналы КШП [1], так и не внесённые в базу, и ухмыльнулась. Имеются, папаша, ещё как имеются. И пресса имеются, и кузнечный цех.

– Горячая формовка, – словно зачарованный, повторял за мной гном. – Гидравлический пресс... но ведь это электричество надо, да? А его у нас нет.

– Магия же есть, – напонила я. – Придумайте там какой-нибудь аккумулятор.

– Достанешь мне чертежи пресса?

– Кто, я? Ты хоть представляешь, сколько они стоят? Такие вещи в библиотеке не хранят.

– А что хранят?

– Статьи всякие, учебники, диссертации. И не про оружие и доспехи. Лопатки, шестерни, валы – оно тебе надо? Максимум, что интересно будет – про режимы термообработки. Но книги все равно за пределы завода выносить нельзя.

– Зря ты так говоришь, – не согласился Генрих. – У нас механизмы тоже есть. Бурильные, например. Печи шахтные. Плавильни. О, а по литью есть материалы?

Я с уважением посмотрела на папашу, а потом принесла ему несколько не сданных в институтскую библиотеку учебников, да еще свои конспекты. Я ж литейщик, закончила "Литье чёрных и цветных металлов". Не то, что бы у меня инженерный склад характера, но лекции я не прогуливала и записывала все, что могла, да еще на первой парте сидела, перед самым носом у лектора. Потому что, если примелькаться, потом больше шансов экзамены сдать. Часто мне даже автоматом ставили, я ж прилежная, внимательная. И уж точно никто не знал, что большую часть курсовых я заказывала за деньги.

– Так ты инженер, что ли? – с изумлением смотрел на меня гном. – Серьёзно?

– Ну да.

– Настоящий инженер?

– Тебе диплом показать?

– Тащи!

В мои синие корочки Генрих вглядывался с каким-то благоговением, а потом смотрел на меня с блаженной улыбкой.

– Да ты ж моё сокровище, – проворковал он, поглаживая стопку тетрадей. – Вот это мне повезло! Мало что инженер, так ещё и такая нужная специальность!

Ага, нужная. Я и поступила на нее только потому, что там был самый низкий проходной балл и конкретный недобор. Никто не хотел идти потом работать в цех, где графит и ядовитые пары. Я помню, даже одноклассникам не говорила, что на литье учусь. Производство металлов – вот как я называла свою специальность.

Интересно, стоит ли мне рассказывать, что инженер я только согласно диплому? А на самом деле – ни практических навыков, ни каких-то особых знаний у меня нет? Наверное, подожду с этим. Я ведь не собираюсь к ним в эти самые горы переезжать. Только погляжу одним глазком.

– А море есть у вас? – вспомнила я.

– В горах – нет. Озера есть и термальные источники. Море – в землях людей. Захочешь – свожу тебя.

Что ж, гор я тоже никогда не видела. Почему бы и не посмотреть на них? Кажется, горы – ничуть не хуже моря. Может быть, самую малость, но ведь там есть озера!

– Так что, поедешь? – с нетерпением спрашивал папаша. – Я тебя с дедушкой познакомлю.

Ну да, ещё и дедушка!

– Ты погоди, это не просто, – вздохнула я. – Мне же нужно ещё отгулы подписать, замену себе найти. На этой неделе я уже брала отгул, больше не дадут. Да и маме... ей вообще могут не дать.

– А Алла кем работает?

– Главбух. Зарплату считает. И договора всякие подписывает.

– Казначей, стало быть. Однако! Таких женщин привезти в дом почетно. Мне действительно повезло!

Черт, вот не нравится он мне. Но какие чудесные слова говорит!

3. Дом, милый дом

Я ждала пятницы с нетерпением. Мне предстояло первое в моей жизни приключение. Поездки в областной центр на поезде с классом я не считаю, все, что я запомнила – это чучело лося в краеведческом музее и то, как пол класса блевало сосисками из тамошней столовой. У меня тогда денег не было с собой, были мамины пирожки. Сначала считала, что мне не повезло и жалела себя, а в поезде поняла, что всё к лучшему.

Здесь всё будет по-другому, я уверена. Это вам не поезд, не автобус, это, мать вашу, другой мир! Я буду по-па-дан-ка. Нет. Гостья. Только посмотрю одним глазом и назад, в библиотеку. Хотя, конечно, я рассмотрю вопрос переселения. А вдруг там лучше, чем здесь? Конечно, невольно на память приходит анекдот про "не путай туризм с эмиграцией", но мы ж оптимисты, мы верим в лучшее. Мама тоже волнуется. Вон, маникюр сделала, подстриглась, покрасилась, брови привела в порядок. Было бы время – она бы в спортзал записалась. Впрочем, она и так красавица. Папаша, который временно у нас поселился (на кухне спал, а куда его еще укладывать в однокомнатной квартире?), на нее как кот на сметану смотрит. Правда, каких-то поползновений в ее сторону я не замечаю, даже обидно. Мама ведь замуж так и не вышла. Сначала не до этого было, а потом она боялась мужчин в дом приводить, где девочка растёт. Мнительная она у меня. Надеюсь, что она в ЭТОГО обратно не влюбится. Хотя если влюбится – главное, чтобы счастлива была, а не вот это вот всё.

– Лилечка, а юбки подлиннее у тебя нет? – между тем блеет папаша, разглядывая мой единственный деловой костюм. Я в нем ещё диплом защищала. – Цверги – народ консервативный. У тебя, конечно, прекрасные ноги, но хоть бы до середины лодыжек, а?

– Могу джинсы надеть, – мрачно сообщаю я. – С кроссовками. В них удобнее и по горам лазать.

– Не надо джинсы, пусть так!

Но у меня и вправду нет длинной юбки! Только вот по колено. Офисный вариант, с пиджаком. В библиотеке юбки совсем не нужны. Во-первых, за стойкой все равно ни ног, ни чего-то там ниже груди не видно (с моим ростом – ниже подбородка). А во-вторых, я невысокая, поэтому мне постоянно приходится пользоваться табуретом, чтобы достать что-то с верхних полок. В юбке особо не ползаешь.

Нет, конечно можно было купить для себя что-то воздушно-летающее, как вон летний сарафан у мамы, но я буду в нем похожа на табуретку, прикрытую шифоновой салфеточкой. К тому же мне и гулять-то некуда. Одна подруга – Натка. Ну и Светка ещё, но она второго ребёнка пару месяцев назад родила, ей не до гуляний, разве что с коляской.

На самом деле джинсы я все равно в рюкзак сунула. И кроссовки. И зубную щётку. И прокладки. И анальгин. И антибиотики. Потому что даже если я еду в гости на четыре дня, случиться может всякое.

Отгула мне дали только два – в понедельник и вторник. Начальник сказал – не больше трех в месяц. Вернусь, КЗоТ почитаю, у меня есть в фонде. Мне кажется, он врёт, но спорить я пока не стала, а то вовсе не отпустит. Поэтому отпуск мой в дальних странах сократился ещё на один день. Зато маме дали аж две недели. Причём ещё за прошлый год. Буквально силой выставили, чтобы компенсацию не платить, наверное.

Мне ужасно любопытно, как мой внезапный родитель организует нам трансфер в свой мир. Портал откроет? Через шкаф выведет? Платформа 9 и 3/4? Просто по башке даст и в бессознательном состоянии переправит? Но нет, он достает из-под чёрной с рыжим бороды большой амулет, похожий на секстант и объектив от фотоаппарата "Зенит" одновременно. Что-то крутит, настраивает, щёлкает рычажками. Невольно хочется задать вопрос в духе Жоржа Милославского: а что, этот прибор любую стеночку убрать может? Но я боюсь, папахен не пой-

мёт моего юмора, впрочем, его даже большинство однокурсников не понимали. Наконец, линза в приборе вспыхивает ядовито-голубым светом, гном направляет прибор на пол. Свет очерчивает на нашем потертом ковровине большой голубой круг, безжалостно высмеивая наши с мамой навыки уборки: пыль, нитки всякие, пятна... Стыдно.

– Лилия, иди в круг.

– А чего сразу я?

– Да мне без разницы. Алла?

Мама все же опытнее и мужественнее меня, ее характер закален сложной работой и моральными пытками начальства. Она без колебаний шагает в голубой круг и пуфф! Исчезает с тихим хлопком. А это точно безопасно? Дальше тянуть некуда. Я поправляю рюкзак за спиной, едва удерживаясь от крестного знамения, и смело захожу в "портал". Зажмурившись, конечно. На миг меня обдает острым холодом, кружится голова.

Я открываю глаза и сразу их закрываю, потому что зрелище не для слабонервных. Вокруг каменное пространство, показавшееся на первый взгляд бесконечным, без стен и потолка. И толпа бородатых карликов, молча буравящих меня злобными взглядами. Мамочки! В смысле, мамочка, где ты? Вдвоём спокойнее.

– Мои жена и дочь, – раздаётся знакомый уже рев. – Княжна Лилия Алмазная! Приветствуйте!

Шо? Княжна? Мы так не договаривались!

Меня едва не сшибает с ног акустической волной. Толпа этих тварей ревет, вопит, улюлюкает и стучит об пол чем-то подозрительно боевым, вроде молотов и топоров. Зачем я согласилась на эту аферу? Лучше б в библиотеке сидела! Там тихо и светло...

Так, на маман надежды нет, она уже во власти этого чудовища. Придется выкручиваться как-то самостоятельно.

– Это самое, Генрих... не знаю, как вас по батюшке...

– Папой зови или отцом.

– Отец – это тот, кто воспитал.

– Упрямая жужелица.

– Старый кукун.

Наше пререкание с интересом слушала вся толпа. Мне было неловко, но в то же время я злилась, что меня вот так вот сделали потехой куче гномов. К тому же такого интересного собеседника я раньше не встречала.

– Кто такой кукун? – громким шепотом уточнил папаша.

– Самец кукушки.

– Да я погляжу, внушка у меня – дама с характером, – провозгласил седовласый бородатый тип, которого я даже под дулом пистолета не смогла бы отличить от кучи таких же. – Сразу видно – наша кровь! Я Скольд – отец этого кукуна и твой дед.

– Ага, Генрих Скольдович, – торжествующе улыбнулась я. – Не могли бы вы меня транспортировать обратно? Я передумала у вас гостить. Вы нечестно играете.

– Увы, нет, – с явно преувеличенным сожалением отозвался гном. – Назад дороги нет.

– В каком смысле?

– В таком, что теперь ты княжна клана Алмазных. И дом твой теперь здесь.

– Нет!

– Да!

Я взглянула на мать, которая тоже растерялась. Она робко попыталась мне помочь:

– Но Генрих, у нас работа!

– Больше нет. Я вполне могу вас содержать. Моим женщинам работать не нужно.

– Но так нельзя!

– Кому нельзя? Мне можно. Вы в моем доме. А здесь все подчиняются мне. И обратно вы не вернётесь. Забудьте. Ты, Алла, теперь княгиня. Будешь хозяйничать, а не хочешь – хоть весь день бездельничай и книжки читай или вышивай, или что вы там, бабы, любите. А Лильку замуж выдадим, ей пора.

– Что? – придушено пискнула я.

– Замуж, – гаркнул мне в ухо сумасшедший гном. – А то в девках засиделась. А вы чего пялитесь, бездельники? – папахен заметил, наконец, зрителей. – Работать идите, а то цирк себе нашли. Всё, разошлись!

– Мы так не договаривались!

– А мы никак не договаривались, – довольно усмехнулся мне в лицо этот гад. – Покажи договор, а? Урок номер один, девочка: что на бумаге не записано и свидетелями не заверено – того и не было. С цвергами только так можно дела вести, ясно?

Я не могла понять, чего мне больше хочется: разрешиться или плюнуть этой сволочи в лицо. Наверное, второе. Но он, оказывается, князь, а выяснять, какие тут казематы, я пока была не готова. Ишь, как заговорил-то теперь, а у нас дома был почти человеком!

– Урок номер два, лапочка, – шепнул мне дед, ловко подхватывая под локоть. – Будь наглой. Хами, ори, обзывайся. Не показывай слабость и, тем более, слезы. Цверги такое не простят. Ты – княжна. Тебе можно всё. Как себя поставишь в первые дни, так и относиться к тебе будут.

– Зачем вы мне это говорите? – шмыгнула носом я.

– Ты – моя единственная внучка. Не хочу, чтобы тебя сожрали. Будь достойна своего статуса.

Наглой? Но меня всегда учили, что девочка должна быть нежной и покладистой! Должна слушаться старших, улыбаться, если плохо, заботиться о близких и еще терпеть. Придирки терпеть. Упрёки несправедливые терпеть. Боль в критические дни терпеть. Короче, по жизни должна. А цверги, оказывается, ценят наглость. Может, не так уж и плохо стать цвергом? Хотя, конечно, вот это маленькое условие про «замуж» всю картину портило. Не пошли бы вы, папаша, в то самое место, которое у вас облучению подверглось?

Нет, я в принципе не против выйти замуж и родить парочку детишек. Я совершенно обычная девушка с нормальной ориентацией. Но средневековые в нашем мире давно миновало, тем более гномы меня вообще не привлекали! Мне блондины всегда нравились! Высокие, утонченные, с длинными волосами: Трандуил там или Леголас, ну в крайнем случае – Джек Воробей, хоть он и не блондин. Зато с ним не соскучишься. Эти же карлики совершенно не в моем вкусе!

Ладно, Лиль, спокойно. Пока тебя не укладывают в постель с бородатым коротышкой, паниковать не нужно. Зато самое время выпустить наружу внутреннего зверя. Ну и что с того, что тигрицей ты себя никогда не ощущала? Скунс – тоже вполне себе боевая ипостась. В общем, хотели цверга? Будет вам цверг. Тем более, что дед, кажется, на моей стороне.

– Аллочка, пойдём, я покажу тебе ваши спальни, – папаша разливается соловьем, поглаживает мамину руку и глядит так масляно, что я догадываюсь: спальня у них будет совместной. Ну и прекрасно: в кои-то веки у меня своя комната будет, а то всю жизнь с мамой да с мамой. Я, конечно, маму люблю, но в нашем доме понятие «личное пространство относилось только к санузлу, да и то не всегда, потому что он был совместный. На троих, так сказать – меня, маму и кота.

И тут я остановилась как вкопанная и трагически заявила в пространство:

– Елки-палки, Тишка же! Мы ж кота дома оставили!

Мама остановилась тоже и посмотрела на меня с не меньшим ужасом:

– Тимофея бросать нельзя! Генрих!

На лице папаши отразилось легкое недоумение: он еще не знал, что сейчас будет локальный апокалипсис.

– Ну ты же вроде договорилась с соседкой, что шерстяную тварь будут кормить. Так чего еще-то надо?

– Я договорилась на четыре дня, – в голосе мамы слышатся металлические нотки главного бухгалтера.

– Ну вот.

– Не вот. Либо ты через четыре дня возвращаешь нас обратно...

– Либо?

– Либо забираешь сюда кота.

Ну мама! Какое разочарование, надо было без либо! Эх, не дождала.

– Зачем мне здесь кот? – не понял отец. – У нас собаки. Цверг-терьеры. Чтобы с крысами бороться.

– А зачем тебе здесь я? – задала резонный вопрос матушка. – Ты уж выбирай: или я в придачу с котом, или я в придачу с ежедневными скандалами. Я могу, ты знаешь.

– Ладно, – буркнул отец нехотя. – Будет тебе кот.

4. Княжеский бастард

А комнаты у гномов маленькие. Я-то, наглядевшись на огромный зал, куда меня забросило, надеялась на что-то монументальное. А оказалось – склепы. Каменные стены, небольшие кровати – почти детские, ниши для одежды в стенах, окон, конечно, нет. Ортопедическим матрасом меня тоже не обеспечили, хотя, казалось бы – папахен со своим секстантом мог бы и приволочь что-то более полезное, нежели не первой свежести библиотечаршу.

Мне не понравилось. Хочу домой на свой диван. Там у меня потолок 2,40 и восемнадцать квадратов. А еще телевизор, шкаф и комод. Здесь же метраж два на три и до потолка я достаю, если на носочки встану. Это что, княжеские хоромы что ли?

Наверное, будь я чуточку увереннее в себе, я бы устроила скандал, но сейчас просто закинула в нишу свой рюкзак, села на жёсткий, кажется, набитый соломой матрас и заплакала.

Может, я и не красавица, и умом особым не отличаюсь, но зачем уж так-то? Вселенная, когда я говорила, что хуже быть уже не может, я не это имела в виду, честно! Я рассчитывала на повышение зарплаты или, если уж совсем честно, на какого-нибудь парня, которому я понравлюсь. Вроде Игоря Матвеева. Такого высокого, тощего и со светлыми волосами, стянутыми в хвост. Понимаешь, Вселенная, я, когда ныла, как бы намекала, что неплохо бы в мою жизнь отсыпать немного плюшек, а не просила доказательств, что хуже ещё как бывает!

Погодите, а ванная тут есть? Или туалет? Пожалуйста, только не говорите мне, что вон та металлическая штука с крышкой – это ночной горшок!

Отсутствие туалета меня добило. Я по-настоящему разозлилась. И стоило мне на что-то рассчитывать? Да я папахена этим горшком прикончу и стану наследницей прямо сейчас! И уж тогда либо до секстанта доберусь, либо комнату себе нормальную потребую!

Я схватила злосчастную посудину, выбежала в коридор, озираясь и зло утирая слезы.

– Княжна? – робким басом окликнула меня какая-то массивная гномка. – Что-то хотели?

– Да. Мне срочно нужен Генрих.

– А... он в зале для совещаний...

– Показывай дорогу!

– Не положено женщинам...

Я взяла горшок в одну руку, а крышку в другую, и сделала красивый громкий "блямс". Потом ещё раз. Девушка (мне показалось, что она довольно юная) зажала уши и вся съежилась. Как там дед говорил – нужно быть наглой? Да я всю жизнь мечтала! Сейчас я буду!

– Дорогу!

– Я провожу!

До зала было недалеко. И не зал вовсе, а цирк какой-то. Сидят четыре ряда гномов на полукруглых ступеньках. Слушают, что вещает их князь. Кафедры только не хватает, стоять Генриху неудобно, он опирается на рукоять гигантского молота и переминается сбоку на бок. Все оборачиваются и хмурят брови, когда я вхожу в зал армейским широким шагом.

– Лилия, сюда нельзя, – пытается воззвать к моему разуму папаша.

– Да мне плевать, – хамски отвечаю я и тыкаю ему под нос горшок. – Это что?

– Это ночная ваза, – осторожно сообщает гном, на всякий случай отстраняясь.

– У тебя я единственная дочь?

– Ну... да.

– Запасные дети есть?

– Нет.

– Тогда какого хрена ЭТО стоит в моей комнате?

– А что, цвет не нравится? – пытается юморить папаша.

Но я училась в группе с двадцатью парнями разной степени сообразительности и к юмору, даже самому низкопробному, привычная.

– Почему у меня в покоях нет личной ванной комнаты? – рычу я. – Я тебе дочь или котёнок с помойки? Я не собираюсь жить в кладовке! Либо я у тебя княжна, либо отрекаюсь от всех родственных связей!

Судя по отпавшей челюсти князя и мёртвой тишине вокруг, я сказала что-то крамольное. Папаша начал багроветь так стремительно, что я испугалась за его самочувствие. На всякий случай я огляделась в поисках аптечки. Наткнулась на взгляд деда, который мне подмигнул и показал большой палец. Надо же, я уже начала различать этих аксакалов!

– Чего ты хочешь, дочь? – прошипел Генрих.

– Нормальную комнату! С нормальной мебелью! И с личной уборной! Заметь, служанок всяких не прошу, драгоценностей всяких тоже... пока. Просто помещение согласно статусу. Вот.

– Хорошо. Я распоряжусь, чтобы тебе подготовили покои моей второй жены.

– Ладно. Что-о-о? Второй? А сколько у тебя жен?

– Две... было.

– А не-жен? – догадалась спросить я.

– Ну... не твоё дело!

– Ясно. Мама спросит. Так что насчёт комнаты? И пира, ты мне говорил, что будет пир.

– Я не говорил!

Я посмотрела на деда, дождалась его кивка и рывкнула (отчего-то тоже басом):

– А что, жену ты не уважаешь? И выпить за её здоровье не хочешь? И кубок твои воины... или кто там у тебя... в честь твоих женщин не поднимут? Воины... в смысле, о, мудрые цверги, разве ваш князь не должен это... открыть свои погреба и устроить праздник?

– Должен! – крикнул дед, и тут же все его поддержали. А я знала, что халявная выпивка – это дело!

На лице папахена сложная смесь эмоций: и отвращение, и злость, и где-то даже гордость, наверное, за меня. А это я ещё горшком не блямкала.

Нет, мир неплохой, наверное, если тут всё решает хороший скандал. В моем такое не прокатывало. Я ж девочка скромная, робкая, до состояния берсека меня довести сложно. Но можно. В детском саду я порой буянила, в школе иногда дралась. Потом выучилась, что так нельзя. В институте только один раз скандал и закатила, когда Светка Паршина свои шпаргалки мне в парту кинула. За это меня едва с экзамена не выгнали. Меня там, признаться, понесло. Я орала, как потерпевшая, выложила свои заготовки, требовала экспертизы почерка. Меня всей группой успокаивали. Экзамен я все равно не сдала, но и Светка не сдала тоже, за что смертельно на меня обиделась. Зато теперь я могу сказать, что это не Лилия – псих, а папины гены.

Мне и сейчас ужасно неловко, что я тут при всех устроила сцену, но честно признаюсь: лучше пару раз поскандалить, а потом мучиться угрызениями совести, но в нормальной комнате, чем сидеть на горшке в кладовке.

Папахен, заявив, что он всё понял, выставил меня прочь. Я вручила ему горшок (чтоб не забыл) и вышла. Гномка, которая меня привела сюда, стояла возле стены, старательно в неё вжимаясь.

– Меня зовут Лилия, – мрачно представилась я. – А тебя?

– Грэта.

– Здорово. Ты чем занимаешься?

– Горничная я.

– Ух ты, здесь и слуги есть?

– Конечно, – Грэта явно начала успокаиваться. – Это же княжеская часть подземелий. Мы тут работаем. Это куда почетнее и, главное, чище, чем шахты.

– Женщины – и в шахтах? – неприятно удивилась я.

– Нет, что вы! В шахтах и мастерских мужчины. Женщины, конечно, могут. Им любая работа разрешена. Но кто ж в своём уме в шахту полезет? В ювелирные мастерские или столовые – еще куда ни шло. Но в княжеской части лучше все равно.

– А где ещё женщины работают?

– Женщина работать не должна! – провозгласила гномка. – Она должна рожать и воспитывать детей. А мужчина ее обязан содержать.

– Неплохо, – хмыкнула я. – А ты чего работаешь?

– Так мужики совсем обурели, – со вздохом призналась Грэта. – Не хотят жениться. Нет, я, конечно, могла с родителями жить, но где ж там мужа-то найти? Здесь гости, советники всякие, мастера... на крайний случай повара можно отхватить. Тоже неплохо, он готовить будет.

– Какая прелесть, – пробормотала я, оглядывая новую знакомую с ног до головы. – Твоим планам можно только позавидовать.

Интересно, Грэта считается красивой? Ростом она ниже меня, а весом раза в полтора больше. И грудь у нее монументальна. Большая женщина, широкой... эээ... души, сразу видно. А еще у нее красивые серые глаза, широкие чёрные брови и еще одни брови... ну ладно, намек на брови. Под носом. Так. Если все гномки столь же прекрасны, то я чересчур худа для них?

– Грэта, а ты можешь отвести меня к маме, в смысле, к княгине Алле? И да, расскажи мне по дороге, что там у Генриха за вторая жена была?

Грэта немного помялась, поморгала... и выложила всю папашину биографию.

Сначала он женился, как и полагается порядочному цвергу, лет этак в шестьдесят. Родили сына, жили... нормально жили, как все. Женщины у цвергов рожают мало и трудно. Жена Генриха умерла во время вторых родов. Ребёнок тоже не выжил. Князь Алмазный погоревал, да и женился второй раз. А чего бы и нет – денег у него столько, что он и не одну жену прокормить сможет, зато на него не охотится каждая половозрелая женщина. Вторая жена за двадцать лет брака так и не понесла. К тому же произошёл несчастный случай с сыном Генриха – играли с мальчишками в заброшенной штольне, что-то взрывали... В общем, был обвал, погибли все дети. Огромное горе для клана Алмазных. Думаете, тут папахен вспомнил про Лилию? Неа. Он срочно развёлся со своей женой и устроил... млин... секс-марафон, короче. Ему нужен был ребёнок, и та, кто родила бы – стала бы княгиней. Но, несмотря на работающее хозяйство, детей не получалось. Наконец, Генрих догадался обратиться к врачам. Те развели руками и сказали: не иначе, как проклятье, Генрих Скольдович. Ничего не знаем, не понимаем. Но руны наши говорят, что деток у вас больше не будет. Папаша решил не сдаваться – в конце концов, у него есть артефакт, который в другие миры проход открывает. Увы, врачи другого мира сказали то же самое. Детей у Алмазного больше не будет. Что-то там с вредным излучением связано. И нет, это не лечится.

Вот тогда-то и забегали дальние родственники, запрыгали соперники. Папахен понял, что кресло под ним качается и помчался искать дочку. Хоть полукровка, но своя, родная.

Короче, Лилька, ты не просто внебрачный ребенок. Ты теперь бастард. Княжеский, ага.

Не могу сказать, что все это вызывало у меня восторг. Но тот факт, что папашина задница находится в прямой зависимости от моего благополучия, немного радовало. Это значит, у меня еще есть реальная возможность поторговаться относительно моего будущего. И начало уже положено, терять мне нечего. Как я понимаю, у Генриха Скольдовича никаких отцовских чувств нет, поэтому рассчитывать на любовь или жалость не стоит. Будем продаваться, Лилия. Задорого.

5. Наглость – второе счастье

Во всяком случае, кормили тут очень прилично. Гораздо приличнее, чем в заводской столовой. Горы жареного мяса, овощи: крупные куски картошки, моркови и вареные целиком луковицы, печеные баклажаны, кабачки с фаршем и сыром, куча всевозможных блюд из грибов, лепешки, пирожки, тушеная капуста с сочащимися жиром колбасками... На любой вкус, в общем. Если у тебя всё в порядке с желудком и печенью, конечно. У меня было всё в порядке, но я привыкла к вечным диетам и поэтому наложила себе только безопасных с виду грибов, немного картофеля и мяса. Ну и пирог.

– А мясо какое? – с подозрением спросила я сидящего рядом довольно молодого гнома с рыжей бородой. – Не крысятину, часом?

– Свинина, – шепотом ответил он мне. – Крысятину – это вон на том блюде. И змеи вон там справа.

И мерзко захихикал, когда я едва сдержала рвотный позыв. Впрочем, веселый гном тут же получил подзатыльник от дородной дамы в темно-красных рюшах.

– Вильгельм, я тебе место рядом с княжной выщарапала не для того, чтобы ты всякую гадость языком молол, – громким шепотом напомнила она. – Ты должен ее очаровать.

– Поздно, – ответил неизвестный мне Вильгельм. – Точнее, рано. Матушка, хотите внуков – рожайте их сами. Мое мнение я уже озвучивал не раз.

– Чисто теоретически внуков родить самостоятельно можно, но это сильно смахивает на инцест, – сообщила я Вильгельму.

– Ну, инцест – дело семейное, – подмигнул мне гном.

– Вилли!

Весельчак едва успел пригнуться. Матушкина длань пролетела мимо его затылка, угодив точнехонько в кувшин с чем-то сильно алкогольным, что я даже нюхать боялась. Кувшин, разумеется, опрокинулся. Бородач, сидевший по левую руку от расчетливой гномки, вскочил с ревом. Та кинулась извиняться и обтирать его салфеткой. Пользуясь возникшей суматохой, бородастый квадратный мальчик Вилли цапнул блюдо с запеченной целиком уткой, ужасно жирной даже на вид, и исчез. Я, украдкой оглядевшись, схватила свою тарелку и тоже попыталась смыться.

– Куда? – рявкнул папаша, который до этого обращал куда больше внимания на кувшин с пивом, чем на меня.

– В туалет, – ответила я, неопределенно махнув рукой и едва не теряя содержимое тарелки.

– С едой? – нахмурился он.

– Пожрать можно везде, – невозмутимо ответила я. – Туалет ничем не хуже столовой. Даже лучше. Тише и народу меньше.

За несколько дней жизни у гномов (точнее, у цвергов, гном у них – ругательство, а ругательные слова стоит употреблять в меру, иначе интерес теряется) я уже усвоила, что чем грубее, тем лучше. Стоило мне начать юлить и смущаться, мои новые соотечественники пытались меня обмануть или продавить. Зато чем больше я хамила, тем лучше меня слышали. Перестроиться удавалось с трудом, но я старалась изо всех сил.

– Сядь на место и не позорь меня, – прошипел отец.

Ага, спешу и падаю.

– Я интроверт и социофоб. Мне на сегодня хватит общения.

– Кто? Это типа ведьма?

– Да, типа ведьма. В обществе начинаю нервничать и могу сглазить.

– Послали же боги доченьку. Мать твоя даже нормального ребенка родить не могла.

– Так разве это твои проблемы? – пожала плечами я. – Все равно ж ты меня замуж выпиваешь всеми силами.

– И верно. Ладно, иди. И тварь покормить не забудь, а то оно опасное.

Тварь – это он про Тимофея. Кота папаша всё же приволок. Мама, видимо, умеет быть убедительной. Разумеется, когда-то найденное нами на помойке животное незнакомца, посмеявшегося грубо схватить его на руки, попыталось изодрать на лоскутки. У Генриха до сих пор руки все исцарапаны. Если бы он сначала поинтересовался у «своих девочек», как правильно вести себя с пушистой задницей, то мы бы рассказали про подношения и правильный подход.

Мама кота обожает, избаловала его в край, он, разумеется, спал снова на ее кровати, а отцу, который попытался его выселить на пол, нагадил в ботинки. Теперь у них война. За это, действительно, Тимофея стоит поблагодарить отдельно. Например, куском крысятину – мой бывший сосед ведь говорил, что на том подносе именно она? В общем, крысятину, или что там было, я тоже прихватила, прежде чем смыться в свою комнату.

Это был уже третий пир, закаченный в мою честь. Первый я вытерпела стоически от начала до конца, а потом очень страдала. Потому что цверги требовали, чтобы я непременно выпила, ну пусть не самогона или пива, а хоть вина. Я не люблю алкоголь, я его вообще никогда раньше не пила – бокал ванильного шампанского под новый год не в счет. А тут пришлось задыхаться, вытирать слезы из глаз – но пить эту едкую гадость. Влили в меня в общей сложности треть гранд-кружки, наверное, пол литра. После этого я, как ни странно, даже не пела, не рыдала и не буянила. Просто тупо просидела весь вечер, глядя в одну точку. Утром следующего дня меня плющило и колбасило, до полудня я даже пошевелиться боялась, а потом меня накормили каким-то ужасно острым супом, к моему удивлению, унявшим тошноту и противную головную боль. Я даже передвигаться начала, главным образом до уборной, но всё же.

Кстати, покои, выделенные мне за вредность, полностью подтверждали поговорку про второе счастье нескромных гномоподобных барышень. Вот это я понимаю – княжеские апартаменты! И потолки имелись в наличии, и кровать с балдахином, и ковер пушистый на полу, и ванная комната, заметьте, индивидуальная: с зеркальной стеной (что, скорее, минус, чем плюс – отражение моего особого удовольствия не доставляло, особенно с учетом освещения), большой фарфоровой лоханью на ножках и белым другом царственного вида, по которому я успела соскучиться больше, чем по коту, к примеру. Унитаз был похож на трон – с такой же высокой спинкой, подлокотниками и даже скамеечкой для ног. Красиво сра... жить не запретишь. Мне было немного жаль вторую папкину жену, которой не суждено было стать моей мачехой, но, поскольку их союз развалился задолго до нашего появления здесь, угрызения совести меня не мучили.

И даже то, что в шкафу нашлась куча одежды на «метр с кепкой в прыжке», только радовало. Платьишки я захотела сразу сечь – розовые рюшечки и золотистые кружавчики стиля «дорого-богато» меня всегда бесили до тошноты, я даже в детстве подобное зефирное великолепие отказывалась надевать. Снежинка из маленькой толстой Лилечки больше походила на сугробчик, а Красная Шапочка – на гриб-боровик. Поэтому к моим нарядам мамочка подходила креативно. Не каждый может похвастаться, что был на детском празднике серым волком, упомянутую Красную Шапочку сожравшим. У волка на поясе, между прочим, болталось два скальпа – один с чепчиком, другой с красным беретиком. Люблю свою маму.

Пожалуй, пара нарядов вполне носибельная: например, строгое черное платье с роскошной меховой отделкой. Да, я догадывалась, что оно немного траурное, но зато стройнит. Широковато в груди, бедрах и талии, конечно, зато подрубать не нужно. А что до объемов – отожрусь на гномьих харчах! Шутка, конечно. В полтора раза не смогу, да и не нужно. И так слишком много килограммов. Платье ушивать придется. Особенно гордилась я своей рациональностью. Согласна на шмотки с чужого бюста. Мне на самом деле не привыкать: свою любимую итальянскую блузку я покупала в секонд-хенде и ничуть из-за этого не комплексовала. Собственно,

у нас пол завода в одном месте одевалось, но все делали вид, что заказывают одежду через интернет.

Вообще платья в пол, если они не слишком пышные, мне к лицу. А уж с плотным корсажем – тем более. Я одетая нравлюсь себе больше, чем раздетая и в ванной. И цвета траурные стройнят, об этом все знают.

Зато обувь второй жены мне вся впору, и ее здесь столько, что я поинтересовалась у личной горничной (да, мне и горничную в придачу к pokojам выделили!), сколько живут цверги. Оказалось, весьма прилично, лет 300 минимум. Это не могло не радовать. Тогда да, тогда я успею все эти прекрасные сапожки на каблучках и тапочки с помпончиками выгулять. Хоть какой-то толк от моих генов, право слово!

Горничной моей назначена та самая Грэта, и мне кажется, что не ей платят, а она платит за то, чтобы работать со мной. Веселая девица оказалась, к тому же кладезь бесценной информации. Вот сейчас мы с ней сидели на пушистом ковре, ели жареную курицу руками и увлеченно обсуждали мужчин.

– С ними нужно строже, – разглагольствовала Грэта, размахивая куриной ножкой, чем невероятно раздражала кота, который уже дергал хвостом и нервно на нее косился. – Чуть дашь слабину, они на шею сядут! Потребуют еще, чтобы им готовили или стирали! А мне вот это надо – здорового мужика с двумя руками и ногами обслуживать?

Я глубокомысленно кивала ее возмущению, про себя думая, что поучения от незамужней девицы, которая уже несколько лет в активном поиске, серьезно воспринимать не стоит. Я все же выросла в патриархальной семье. Да, мама замужем не была, но бабушка с бабушкой жили душа в душу. Дед дарил жене цветы и запрещал таскать сумки, а бабушка пекла пирожки (невкусные, к слову, но она старалась) и крахмалила ему рубашки, которые ему приходилось носить несмотря на то, что он был слесарем на заводе и потому регулярно огребал за то, что рубашки были в масле и грязи. Но все равно носил и бабушке ручки целовал. Отстирывали мы эти рубашки вдвоем с мамой – чтобы бабушку не тревожить. На самом деле мама с бабушкой когда-то покупали эти несчастные рубашки дюжинами, чтобы одинаковыми были и можно было незаметно выкинуть. Словом, пример семейной жизни перед моими глазами был самым положительным, и нытье Грэты я пропускала мимо ушей с чистой совестью.

Не обслуживать, а заботиться. Не прогибаться, а любить. Не исполнять супружеский долг, а заниматься любовью, вот.

К сожалению, гномы слишком прагматичны для телячьих нежностей. Если судить по словам Грэты, понятие «любовь» у них относится скорее к пище, чем к супругам. С супругами удобно и комфортно, а страсть или нежность – это уже дело десятое. С другой стороны, они и не ссорятся особо, и не разводятся почти. А смысл? Взрослые люди взвешенно выбрали себе спутника жизни. Все довольны. Я, наверное, не против такого подхода. Собственно, у меня и выбора-то нет. Папенька соизволил со мной разъяснительную беседу провести, чтобы я никаких иллюзий относительно своего будущего не питала.

Угадайте, какой был его первый вопрос после того, как он пригласил меня поговорить «как папа с дочкой»?

6. Особые обстоятельства

– Ты девственница, Лиля?

Я захлопала глазами, не понимая, правильно ли я расслышала. Это просто... возмутительно! Какое их собачье дело?

– Ааа... – ничего членораздельного мне выдавить из себе не удалось.

– Хотя да, в твоём возрасте и с твоей внешностью...

Ну знаете! Я всё понимаю, но опускаться до прямых оскорблений не позволяли себе даже самые отмороженные однокурсники! Даже Пашка, который встречался со мной на втором курсе ради домашек по вышмату, не говорил таких гадостей. К тому же он быстро понял, что ещё непонятно, кто из нас тупее, и переключился на Настю Демченкову. В общем-то, это были мои единственные отношения, которые хоть немного походили на любовные. Мы даже целовались пару раз.

– Жаль, конечно, что ты ребёнка не родила, – продолжал разглагольствовать папаша. – Так бы за тебя выкуп ещё дали, а придётся мне приданое давать.

Что я сейчас услышала?

– П-приданое?

– Ну да. Ты мой единственный ребёнок. Причём девочка. Корону тебе не передать. Значит, быстренько замуж и рожай мне внука.

– З-замуж?

– Ты глухая или тупая? Впрочем, неважно. С такой фигурой и волосами тебя даже идиоткой бы взяли. Да и личико миленькое.

– Я вот щас не очень поняла, – осторожно начала я разведку боем. – Ты меня замуж собираешься продать?

– Ну да. Женщине место рядом с мужиком. Но ты не волнуйся, выберем самого лучшего! Я тебе даже поглядеть на претендентов позволю.

– А меня спросить ты не пробовал?

– Нет. Ты девка, а значит, права голоса не имеешь.

– Так, – я пыталась дышать ровно, но получалось плохо. – Так... а если бы у меня был ребёнок?

– Если бы мальчик, то никаких вопросов. Мой внук – мой наследник. Я б тебя мог даже не забирать. Хотя, конечно, ребёнку нужна мать. Выдали бы тебя замуж поближе, а внука бы я сам воспитывал.

– И что, меня прям бы взяли с ребёнком? – не понимала я.

– Конечно. Если родила – значит, не бесплодная. К тому же опытная. Это плюс.

– То есть девственницы здесь не в чести?

– Кому нужна девственница? Ее ж учить всему надо, она боится, плачет... Нет, у цвергов так не принято.

– Я девственница, – торжествующе объявила я.

– Троллевы яйца, только не это! Но как? Такая красивая, стройная, фигуристая! Зачем ты отказываешься от радостей плоти?

Говорить ему о том, что на мою невинность никто не покушался, было как-то неловко, поэтому я пожала плечами и небрежно кинула:

– Меня эта сторона жизни не интересует. Я холодна как камень.

– Огрова задница! Нет, я не про тебя. А впрочем, ладно. Никто же до свадьбы проверять не будет. А потом это будет проблема супруга. Просто... Мэтсону предлагать не буду, он хороший мужик, не стоит портить ему жизнь. И клану Железных тоже.

– Я вообще-то замуж не собираюсь, – на всякий случай сообщила я родителю. – Тем более, за незнакомого мужика.

– Так тебя никто не спрашивает.

– Слушай, а с эльфами вам союз не нужен? – попыталась я зайти с другой стороны. – Я больше блондинов люблю.

– С эльфами? – папахен ненадолго задумался, закатив глаза и шевеля губами. – Нужен, наверное. Но они мне ребенка не отдадут. Так что – мимо. Хотя знаешь, если родишь парня от кого-то из местных, я тебя сосватаю этому... Крокодилу... в смысле, Корнуилу ихнему. Только ребенка оставишь здесь.

– Я подумаю, – вежливо сказала я.

Да-да, подумаю. Интересно, где твой секстант хранится? Я домой хочу!

И вообще мне здесь не нравится. Темно и зябко. Не в том плане темно, что света нет. Светильники-то везде горят. Но я солнце хочу! Ощущаю себя гребанной Дюймовочкой, которую сватают за крота! Всю жизнь под землёй! Хотя, конечно, Дюймовочка из меня сомнительная. Интересно, Генрих Скольдович серьёзно считает меня красивой? Или льстит? Может, по меркам гномов я и в самом деле королева красоты?

Не удержалась, уточнила у Грэты.

– Ты очень... эээ... утонченная, – обтекаемо ответила моя личная горничная. – Почти эльфийка. Ну правда. Среди моих знакомых цвергинь нет блондинок. Брюнетки, шатенки, рыжие... И если уж совсем честно, ты... ну, замороженная какая-то. Не обижайся, но нормальный цверг тебя побоится даже потискать, вдруг сломаешься.

Я залилась смехом – вот это поворот. Я – слишком хрупкая для мужчин! Кому расскажи – не поверят. Жаль, что здесь нет высокой черноглазой Наты, она бы поржала со мной вместе. Ох, я надеюсь, папахен придумал там что-нибудь, и нас не ищут с мамой по мусорным бакам и заброшенным оврагам. Хотя скорее всего, ищут. Вряд ли у него мозгов хватило как-то деликатно всё это обставить. Блин, как людей жалко! Наверное, целый спасательный отряд бродит по городу с нашими фотографиями из инстаграма. Надо маме сказать, пусть она как-то поговорит с ЭТИМ.

Я ведь всё еще надеюсь вернуться домой.

План, значит, такой: узнать, где папка прячет артефакт и украсть его. Только что я с ним делать буду, вот вопрос? Там ведь настройка нужна. Наугад лезть в чужие миры – я не сумасшедшая. Мало ли, куда закинет. В ад, к примеру. Или в пустыню к каким-нибудь оркам-каннибалам. Значит, нам (мне!) нужна инструкция. А где в нормальном замке или каком-то другом доме, пусть даже и похожем на муравейник, хранятся документы? Правильно, в библиотеке!

Проникнуть в библиотеку особого труда не составило. Никто даже не спросил, зачем мне это надо. Просто показали дорогу.

Я думала, что библиотеки во всех мирах похожи – и, как ни странно, в этот раз не ошиблась! Большое круглое помещение (гномы, как муравьи, любят круглые норы), заставленное книгами с пола до потолка. Балконы, длинные лестницы, несколько столов разной высоты, светильники – да не масляные, как в большинстве комнат, а каменные: в смысле, светящиеся камни разной яркости, вделанные в стены. Красиво, почти по-дизайнски. На Земле бы такая библиотека считалась модной и креативной. Особенно меня умилила гора разноцветных подушек посередине зала, на которой сейчас, как султан, возлежал уже знакомый мне цверг – с взъерошенными рыжими волосами и короткой бородой, дерзко заплетенной в косички. Он лениво листал какой-то альманах с картинками (как мне показалось, непристойными, впрочем, разглядеть я не успела), поедая черные ягоды с красивого серебряного блюда. Блюдо было подозрительно похоже на то, которое он умыкнул на пиру, только утки, разумеется, там уже не было.

При виде меня гном резво захлопнул книгу. Сел. Заморгал озадаченно. Как его? Дилли, Вилли или Билли? Точно не Поночка, это уже радует. Видя явное затруднение на моем лице, рыжий поднялся и довольно изящно отвесил поклон.

– Архивариус Вильгельм Камнев к вашим услугам, княжна!

– О, вы меня узнали? – я на мгновение почувствовала себя польщенной, но лишь на мгновение.

– Цвергов-блондинов не существует в природе. Только полукровки, – с умным видом извлек архивариус. – А полукровка среди нас только одна – Алмазная Лилия.

– Ладно, – вздохнула я. – Господин архивариус...

– Просто Вилли, – выжидающе уставился парень. Вроде и бородат, и широк в плечах, но все равно – мальчишка-мальчишкой! – И на «ты». Хотели что-то, княжна?

– Эээ... А что есть?

– Любовные романы есть. Всякие. С эльфами, драконами и многомужеством. Снежинель и ее семь мужей, например. Это как эльфийская принцесса попала в дом к братьям-цвергам... Еще про оборотня и заблудившуюся девочку есть, про цверга с синей бородой...

– Кошмар!

– Угу, полностью согласен.

– Ну ты не убирай далеко... а вообще, мне нужно что-нибудь по артефактам. Такое... общеобразовательное.

– Какие артефакты? – занудно уточнил Вилли.

– Всякие, – не выдала себя я.

– А, ну ладно.

Он подергал рыжую бороду, почесал в затылке и посеменил к стеллажам. Принес здоровенный талмуд толщиной с мою ладонь. Потом еще один. Потом целую стопку книг в кожаных обложках. Потом... короче, куча росла на глазах до тех пор, пока я не признала поражение.

– Довольно! – сдалась я. – Хватит! Мне нужно про артефакты перемещения.

– Теория или классификатор?

– Каталог. Ну, перечень существующих.

– Хм, а его не существует. Но задача интересная. Возможно, у альвов есть нечто подобное, но там их дурная магия. У цвергов все гораздо сложнее... и проще одновременно. Вот что, княжна...

– Лилия, – я подала ему руку, на которую он посмотрел с подозрением. – Просто Лилия. Я тоже работала в библиотеке, можно сказать, мы коллеги.

– Ты... вы работали?

– Там, где я жила, женщины самостоятельно зарабатывают на жизнь. Особенно, когда отцы бросают беременную мать.

В глазах Вилли мелькнуло понимание, он крепко пожал мою руку, посмотрел на гору книг и заявил:

– Если я сделаю перечень имеющихся в природе артефактов, я смогу подать заявку на звание Мастера. Плевать, что не кузнец и не ювелир. Архивариусы тоже нужны этому миру!

– Безусловно, – согласилась я. – Это ты классно придумал.

– Только давай честно, Лиль. Что тебе на самом деле нужно? Я помогу тебе, а ты – мне. Даже договор напишем, чтобы уж без обмана.

– Об этом поговорим позже, – покачала головой я.

– Не доверяешь? Ну и правильно. Я тебе тоже не доверяю, вот.

Вилли оказался своим в доску парнем, мы с ним быстро подружились. Он действительно шарил во всех этих книгах и имел поразительную память. Архивариус – не самая почетная профессия для мужчины, но и Вильгельм был не типичным гномом. Он был ленив, терпеть не мог физический труд, зато обожал читать. Этаким работником интеллектуальной сферы. И

шутки у него тоже были заковыристые. Обычные цверги их понимали плохо и на всякий случай Вилли лупили за них. Поэтому он и нашел себе убежище в библиотеке, где было тихо, спокойно и работать не заставляли. На самом деле Вильгельм, конечно, работал не меньше шахтера: за несколько лет он привел в порядок сотни книг, организовал систему хранения, начал переписку с другими кланами и даже с альвами и оборотнями (о, здесь и в самом деле есть оборотни?), постоянно пополнял библиотеку и даже заинтересовал чтением большую часть клана. Женщины читали про любовь, мужчины – что-то по ремеслу и иногда эпос.

Вильгельм даже не понимал, что делает что-то выдающееся, напротив, он реально получал удовольствие от своей жизни, так непохожей на представления цвергов о мужской доле. А то, что ему присвоили звание архивариуса и начали платить жалование, воспринимал не как достижение, а как само собой разумеющееся. Ну, архивариус. Не воин же, не Мастер ювелирного дела, не литейщик и не чеканщик по драгоценным металлам.

Отец, узнав, что я торчу в библиотеке целыми днями, возражать не стал. Только предупредил Вилли, что он мне не пара, и если что – ноги вырвет. А так – чем бы Лилечка не занималась, лишь бы больше в Совет не прибегала и ночным горшком в него не тыкала.

7. Алмазная Лилия

Про артефакт перемещения клана Алмазных формата «секстант» в записях было ничтожно мало. Уж точно не было ни чертежа, ни инструкции. Только краткое описание. Вилли уже знал мою цель и только головой качал. Но помогал изо всех сил.

Вот и сейчас мы с ним сидели, обложившись книгами. Я листала сборник скабрзных историй про любовь и то и дело краснела и хихикала, а он и в самом деле работал. Что-то просматривал, записывал, нумеровал листы. Где-то подклеивал, оставлял закладки. Потом откинулся на спинку стула, посмотрел на меня внимательно и хрюкнул.

– Чего? – недовольно отвлеклась я от разглядывания весьма проработанной картинки двух совокупающихся эльфов (в смысле, эльфийки и эльфа, а не то, о чем вы могли подумать).

– Алмазная Лилия! – пафосно провозгласил Вилли.

– А в глаз? – хмуро спросила я. – Не смешная шутка, Вильгельм. Совсем не смешная. Знаешь, сколько я их за свою жизнь наслушалась?

– Да нет, ты не поняла, – захихикал гном. – Это артефакт такой, называется Алмазная лилия. Там несколько кристаллов срослись в форме цветка, ну я сейчас покажу.

Архивариус начал листать огромный талмуд, лежащий на столе, а потом гордо ткнул своим коротеньким толстым пальчиком с чёрной грязью под ногтями в картинку:

– Вот!

Я посмотрела. Мда, лилию в этом странном кривом кристалле предположить было сложно. Моего воображения на это не хватало. Но допустим, допустим. Только чем оно мне может помочь?

– Да не разглядывай, так форма кристалла называется. К цветку она имеет весьма смутное отношение. Так вот, эту "лилию" когда-то нашёл сам мастер Данияр, – с придыханием рассказывал Вилли. – Он, кстати, свихнулся потом. Все мечтал выточить из кристалла цветок, который затмит живой. Но не выточил, конечно, потому что камень есть камень. Но мастер Данияр не ел, не спал... пиво, правда, пил... целыми днями пропадал в мастерской! А в один день он просто исчез, будто его и не было. А "лилия" эта ещё дня три светила, как болотная гнилушка.

За что я люблю гномов, так это за то, что из них романтики – как из меня корейский идол. Я, кажется, такая же. Нет во мне поэтической жилки.

– Кристалл забрала себе жена Мастера. Сказала – совместно нажитое имущество и не волнует. А через неделю она заявила, что эта штука исполняет желания. Но только заветное, которое годами выношено. Во всяком случае, у нее исполнила. Она стала блондинкой.

Тут я не могла не заржать в голос. Надо же такое придумать – мечтать стать блондинкой! Да еще годами! Поди тетка просто поседела с горя, что муж пропал. Вот и весь секрет камня.

– "Лилия" снова горела. Начали её исследовать: оказалось и правда, желания исполняет. Кто-то вырос на вершок, у кого-то волосы на голову вернулись, а кого-то к эльфам закинуло, вот уж у цверга потаенные мысли, а?

Так, стоп! Закинуло к эльфам? То есть кристалл мог перемещать? Он может меня и обратно в мой мир вернуть?

– Где эта хреновина находится? – требовательно спросила я у Вилли.

– Угадай с трех попыток! У альвов, разумеется! Когда "лилия" перестала сиять, а желания исполняться, цверги решили обратиться к специалистам по магии. К альвам. Те забрали артефакт на исследование, но так и не вернули, сволочи ушастые. Но в тот момент цвергам было не до артефактов. Желания ведь разные бывают. Это нормальному цвергу достаточно волос на голове для полного счастья, а кто-то мечтал стать князем или заполучить чужую жену. Неразбериха началась – самое настоящее смутное время в истории клана Алмазных. В общем,

про Алмазную Лилию специально забыли, от греха подальше. Что уж с ней у альвов стало, я не ведаю. Но у них пропасть кристалл не мог, они не такие.

Я задумалась. К альвам меня никто не пустит, это факт. Во всяком случае, пока я наследника не рожу. А я им не племенная кобыла, я даже и не собираюсь. Хотя папахен может мне устроить геноцид, у него совести хватит. Нет, не так: он вообще не знает, что такое совесть. Закатает в ковёр и продаст какому-нибудь приятелю, так сказать, на размножение.

– Вилли, а у цвергов насильственные браки часто практикуют? – спросила я архивариуса, тщательно перерисовывая кристалл в блокнот.

– Что значит "насильственные"? – уточнил Вильгельм. – Когда парень жениться не хочет, а его заставляют? Ну, бывает.

– А девушку?

– Все девушки хотят замуж! – глубокомысленно изрек Вилли. – Их хлебом не корми, дай честного цверга соблазнить и обраслетить! Бедные мы бедные, бесправные мужики...

– Кончай паясничать, – вздохнула я. – А не то тебя в мужья потребу, будешь... бедным и бесправным.

– Не надо! – отпрянул Вилли. – Что я с тобой делать-то буду? Я ещё не нагулялся! Я слишком молод, чтобы жениться!

Я закатила глаза, мрачно размышляя, стоит ли рассказывать моему юному другу о том, что нужно делать с женщинами, или не нужно шокировать парня. Все же он ещё очень молод, тридцать годиков всего. У меня вот, кстати, книжка есть. С картинками.

– Ты можешь мне рассказать нормально, какие брачные обычаи у цвергов? Я ведь совсем ничего не знаю.

– Могу, – заулыбался Вилли. – Я серьёзно говорю: мужики в браке бесправны. Если женился, то всё, терпи. Жена имеет право что угодно делать, хоть сковородкой тебя по башке бить. А ты не моги даже пригрозить – она сразу старейшинам жаловаться побежит. Содержать жену ты должен до конца жизни, даже если она от тебя уйдёт. Ну, конечно, пока снова замуж не выйдет. А они, жужелицы болотные, ведь не выходят! Зачем им, если муж обязан? Дети все остаются у мужчины. Мамка может, конечно, их забрать, но проще же оставить и навещать иногда. Ну и имущество: при разводе она у тебя ровно половину оттяпает, а если детей заберёт, то и вовсе с голой жопой останешься.

– А причины для развода какие? – уточнила я.

– Муж храпит... че ты ржёшь, и такое бывает! Мало денег, мало секса, много секса, жратву твою не ест, с другой бабой застукали, ругается сильно. А мужик может развестись только, если жена изменяет или не даёт... но это у цвергов редкость, наши женщины темпераментны. Но мужики разводиться не хотят...

Я задумчиво постукивала карандашом по столу. Кто-то, может, и темпераментный... а я вот и не очень. Значит, не давать? Отлично, это я могу. Но опять же – гномы сильные, очень сильные физически. А ну как мой суженный сам возьмёт все то, что я ему не даю? А другая баба – это сомнительное удовольствие. Это унижительно, такой вариант не хочу даже рассматривать.

Самой разводиться – тоже не выход. Папка меня замуж выдаст снова. И снова. И снова. Пока я ему внука не рожу. Потом, конечно, можно и об эльфе подумать. Но ребенка я ж не оставлю, не смогу.

А ведь такие порядки куда лучше, чем в России. Вон мамочка моя меня одна поднимала, никакой помощи ни от кого не было. Мать-одиночка. Ни жилья нормального, ни зарплаты. Больничные, отгулы – и это ещё хорошо, что государственное предприятие. А летом я дома сидела одна, потому что лагерь слишком дорогой был. Словом, если бы меня интересовали цверги, я бы, наверное, не стала бы сильно сопротивляться папашиним планам. Или если бы я была младше лет на пять.

В институте я очень переживала, что не нравлюсь мальчикам. Рост метр пятьдесят три и вес... ну тоже за пятьдесят три – не самое привлекательное сочетание. С тех пор я набрала ещё пятнадцать килограммов. Выбросила туфли на каблуках. Поставила на полку кучу романов 18+. И коту завела, как же без этого. И приняла, как данность, что замуж я не выйду, а рожать для себя – спасибо, нет. Вон мама родила уже. Хватит плодить нищету. Не верила я в зайки-лужайки, а оказалось, зря. Моя лужайка настигла меня. На лужайке, боюсь, меня теперь лишат невинности.

По правде говоря, в любовь я уже не верила. Ни в бабочек в животе, ни в долго и счастливо с первого взгляда. Поэтому невинность эта пресловутая мне не была дорога. Всё-таки я немного и цверг тоже. Поэтому Вилли я рассматривала с чисто женским интересом: а с ним я бы ужилась, наверное. Он смешной. И не такой уж и страшный, как остальные коротышки. Наверное, потому что молодой.

– Не смотри на меня так, – занервничал архивариус. – Тебе все равно отец не разрешит со мной сойтись. Я же бракованный цверг. Без специализации.

– А я тоже библиотекарь, – напомнила я.

– С дипломом инженера-литейщика, да, – закивал Вильгельм. – Слушай, Лиля, ты, конечно, красотка, но я правда слишком молод для брака.

– А кто говорит про брак? – пожала плечами я, едва сдерживая смех. – Папахена и внук устроит. А там он меня и альву какому-нибудь сосватает. Мне вообще-то худошавые блондины по вкусу, понимаешь?

– Я против, – твердо отказался Вилли. – Вот прямо совсем. Останемся друзьями, и лучше по переписке.

– Ну и дурак, – надулась я. – Такой шанс упускаешь. Тогда рассказывай ещё про этот самый артефакт.

– Так я все рассказал, что знал.

– Не-е-ет, ты сказал, он у эльфов.

– У альвов.

– У каких именно альвов? Где у них там музей или хранилище бракованных артефактов?

– А я почём знаю?

– Ты архивариус или где? – удивилась я. – Не может быть, чтобы столь ценную вещь просто так отдали, без описи, без расписки. Ищи документы.

– Лиль, так это было лет триста назад! – взвыл Вилли. – Я даже даты точной не знаю! И потом, смутные годы, пожары, восстание! Я вообще не представляю, где искать! Да может, и уничтожены все протоколы!

– Это твоя работа, Вильгельм, – сурово заявила я. – Считай, что тебе княжна Алмазная дала задание. И выполняй. Ничо, я сама в библиотеке работала и знаю, что чем больше архивы, тем меньше шансов, что там что-то пропало или украдено. Потому что сначала потеряли, потом закопали, ни один вор не найдет.

– Злая ты, Лилька, – жалобно посмотрел на меня Вилли. – Жестокая.

– Ага. Потому что наполовину цверг. С вами по-другому и нельзя.

8. Смотрины

На поиски секстанта уговорила маму. Ее, может, тут всё и устраивало, а доченьке ее единственной плохо и тошно. Дочка хочет домой. Алле Дмитриевне, между прочим, как хозяйке, выдали ключи от всех помещений и даже от казны. Последнее меня особо удивило: Генрих не показался мне щедрым и любящим мужчиной. Был, наверное, во всем этом какой-то подвох. Мама честно пыталась артефакт найти, но ей не удалось – не то папка был специалистом по игре в прятки, не то ей не от всех дверей дали ключи. Я расстроилась, даже поплакала. Мама меня утешала, как-то неуверенно обещая, что все будет хорошо.

– Вот ты зачем замуж вышла, а? – прямо спросила ее я. – Да еще за этого орангутанга?

– Зря ты так, Лиля, Генрих очень интересный мужчина, – возразила мама. – И богатый. И ко мне хорошо относится, на самом деле, хорошо. Ты маленькая была, не помнишь – а я пыталась строить отношения с одним человеком. Мне не понравилось: он руку на меня мог поднять, кричал, ни во что меня не ставил. Генрих изначально был другим.

– Расскажи, как вы познакомились?

– На море... Я после школы поехала отдыхать в Кабардинку со своим женихом... у нас уже заявление в ЗАГСе лежало, ага, а там, понимаешь, солнце, вода, девушки красивые в купальниках. Ну я и застала своего... жениха... в недвусмысленном положении с другой дамой. Сидела на песке, плакала. Жизнь казалась разбитой к чертям. А тут ОН подошел. Я думала – кавказец-недоросток. Черный, носатый, с бородой. Грудь волосатая. Испугалась, что приставать будет. А он мне платок дал, мороженое принес, рубашку свою на плечи накинул. Милый такой... И очень образованный. Сказал, что геолог. Рассказывал про камни. Я тогда и подумала – а пошло оно все. Можно же просто дружить. Зачем спать?

– Ну да, и надолго твоей решимости хватило?

– На два дня, – усмехнулась мама. – Генрих моему бывшему парню нос сломал, а потом мы с ним на его машине по всем горам проехали. В каждом заливе искупались. В каждом ресторане поужинали. Ну... как тут было устоять? Ухаживал он красиво... цветы, сережки золотые... Потом, знаешь, ни один мужчина с ним в сравнение не шел. Никто ко мне так трепетно не относился. Я, конечно, понимала, что будущего у нас нет, да и не хотела. Геологи – они постоянно в разъездах. Как моряки. Сложно так жить. Ну и он не предлагал ничего. Так, курортный роман.

– А ребенок?

– Ребенку я обрадовалась, – призналась мама. – Мишка, жених мой несостоявшийся, все за мной таскался, прощения просил, а как про беременность узнал – исчез. Родители мне сказали: рожай, Алла, помогать будем. Я и родила. Помогали они, выучиться позволили. Так что я ни о чем не жалела никогда. У меня в жизни была настоящая сказка, а другие ничего не видели такого, только дом-работа, дом-работа.

– А сейчас?

– А сейчас у меня есть деньги, – жестко сказала мама. – И уважение. И мужчина. Зато нет начальника и теплого женского коллектива. Мне нравится.

После нашего разговора я всерьез задумалась.

Чисто теоретически я готова была рассмотреть предложение папаши и хотя бы поглядеть на кандидатов в мужа. В конце концов, я обычная женщина и хочу семью и детей. Ну и любви телесной, так горячо во всяких книгах с полуголыми дядечками на обложках описываемой. Вот этого головокружения, бабочек в животе и "он вбивался в ее тело с частотой отбойного молотка". Нет, ну а что? То, что я не раскрасавица, это ещё не значит, что у меня нет желаний! Есть, конечно. В конце концов, это естественный процесс размножения. Даже в Библии написано, что человек должен прилепиться к своей жене, а потом плодиться и размножаться.

Меня, конечно, смущает тот факт, что человеком назван только муж, а жена, видимо, так, дополнение, но факт остаётся фактом.

Но и замуж за кого попало я не согласна. Право, вот эти вот квадратные дядечки с бородами до пупа меня абсолютно не привлекают! Хотя я и присматриваюсь.

К примеру, Вильгельм мне, наверное, мог бы понравиться. Если уговорить его бороду подровнять. Глаза у него серьёзные, и разговаривает он со мной не как с дурой набитой. Я к нему привыкла, с ним весело. Интересно, а какой он без одежды?

Вопрос обнаженки мне был очень интересен чисто теоретически. Мне нужно знать, насколько гномы под одеждой страшные. Я прогрессивная девушка и спать с мужем в темноте под одеялом не собираюсь, не средние ж века. Пусть я не верю в любовь, но какие-то чувства должны быть. Инстинкт продолжения рода, инстинкт самосохранения... Хотя бороды их все равно меня подбешивают, но такова жизнь, такова их природа, это придется принять. Тем более, что гномьи женщины тоже красотой не блистали. На их фоне я сама себе казалась не такой уж и толстой. Почти нормальной. Во всяком случае, если выбирать между мной и любой другой гномкой, я бы выбрала себя. Хотя я раздеваться тоже не готова. Ибо целлюлит, жиры и ножки коротенькие. Это никаким бельем не прикроешь.

Не эльфийка, да. Но никто не эльфийка, кроме эльфийки. Тут матушка просчиталась. Не могла меня от альва родить? Но мама у меня умная, и в этом ее проблема. Дура бы обязательно выбрала посмазливее.

Как я. Я буду выбирать самого красивого, и не волнуется!

Меня, впрочем, как обычно не спросили, согласна ли я на знакомство с потенциальными женихами. Просто Генрих Скольдович решил не откладывать в долгий ящик свои планы и объявил сбор кандидатов на мои окорочка и потроха. И они, мать их, приехали, причем довольно шустро!

Я тут даже месяца не прожила, не привыкла, не осмотрелась, в шахты ни разу не сходила (не больно-то и хотелось, но ради повышения уровня образованности надо бы). Ну, знала, где кухня, библиотека, общие бани и примерно ориентировалась в княжеских помещениях. А дальше не успела. Проленилась. А тут женихи! Слишком быстро!

Меня, нарядную, красивую, в парадно-выходном платье цвета мха и похожей же фактуры (бархат, конечно, красивый, но чешется под ним), усадили рядом с папашеном на скамеечку. Ужасно неудобно, у меня унитаз в комнатах комфортнее. Сам князь Алмазный на троне сидит, каменном. Но под царственной задницей мягкая подушечка, да и вообще одет он многослойно, в штаны, кафтан, плащ с меховым воротником, ну чисто Киркоров на выходе. Пыль в глаза пускает, это понятно, это объяснимо. Наряд подбирала мама, потому что странным образом ему действительно к лицу все это безобразие. Выглядит, как важный птиц.

Мама сидит по его правую руку на стульчике. Я слева – у ног. Унизительно и колени затекают, но остальные вообще стоят, так что я не сильно возмущалась. Кстати, весь папашин кафтан в кошачьей шерсти – Тимофей на нем спал. Это немного смешно и отвлекает от удручающих обстоятельств.

В большой гулкой (и ужасно холодный) зал впускают первого соискателя.

– Князь Железный, властитель Железной пади! С дарами для княжны Алмазной!

Название его владений такое, что мне хочется спрятаться. Сам князь тоже не внушает доверия. Крупный, лохматый, сверкает глазами. Рыжеватая борода до середины груди. Смотрит как-то... в общем, я ему не нравлюсь, да и никто не нравится.

– Иен Холодный! Князь Белого Хребта.

Я прищурилась. Ещё один кандидат на мои руку и потроха. Ишь какой, в мехах. Важный, наверное.

– Присмотрись, доченька, – с придыханием шепчет папахан. – У Иена три серебряных шахты и еще лес, где всякая живность водится. Ты хотела на поверхности? Вот, у него замок СВЕРХУ!

Сверху? Так, разверните кандидата, в смысле, снимите с него шубу! Я хочу разглядеть этого замечательного мужчину поближе. Но Холодный не хотел разворачиваться. Даже близко не подошёл, только оставил свои дары для прекрасной принцессы, сиречь меня, посередине залы и попятился прочь. Всего-то я и увидела, что бороду рыжеватую и нос. Даже глаза не разглядела. Обидно.

– Людвиг Подгорный, владыка Северного кряжа и его братья: Серфин, Амон и Симеон!

– Спасибо, что не семеро, – бормочу я, нервно постукивая носком войлочного ботинка по ковру.

Хорошая обувь. Тихая и тёплая.

– Зачем тебе семеро? – тихо спрашивает отец. – Не справишься с семерыми.

– В смысле "не справлюсь"? У них что, жена общая? Одна на всех?

– Родные братья всегда делятся друг с другом. Тем более, если правят сообща. Поэтому Людвиг и не князь. Он очень близок к братьями. Они все – владыки. Хотя он мог их убить или выгнать, как старший.

– Эээ...

– Ну что ты блеешь как коза? Такой обычай. Или ты правишь один, тогда лучше конкурентов устранить, или объявляешь себя единым существом с братьями. Людвиг пошёл вторым путем. Жена им одна на всех нужна, но ты не волнуйся, они ещё наложниц возьмут.

Вот спасибо, успокоил. Людвига однозначно вычеркиваем.

– А в сундуке-то что?

– Дары.

– А если откажем им, дары ведь вернем?

– Это как захочешь.

– А, ладно.

– Ну, что скажешь?

– А что, больше нету?

– Сегодня трое. Завтра еще двое обещались быть.

– Хочу подарки посмотреть, – закапризничала я. – И на ужин господ надо пригласить, как же без этого. Там и погляжу еще раз.

– Не положено. Они чужаки, с ними тебе нельзя за стол садиться. Только из-за шторы подглядывать.

Я устало посмотрела на отца. Вот же козел! Я ему навстречу пошла, вела себя прилично, а он начал свое «не положено». Мрак, из-за шторы! Меня это не устраивает, я хочу нормально с людьми пообщаться, хоть немного понять, какие они.

Но, оказалось, наглость наглостью – а папахан не менее упрямый, чем я. Пожалуй, даже более. У него опыта на пару сотен лет больше. И орать он умеет громче меня. Словом, присутствовать на ужине мне не разрешили даже за шторкой, потому что я «совершенно невоспитанный ребенок и отпугну всех женихов», а папаше внук нужен.

Ладно. Мы пойдем другим путем. В конце концов, в моих же интересах удовлетворить свое любопытство до того, как Генрих мать его Скольдович выдаст меня замуж. Мама моя, Алла Дмитриевна, теперь тут тоже не последняя личность.

Отличие от потной и запыхавшейся меня, мама выглядела возмутительно спокойной и довольной жизнью. В бархатном бордовом платье с роскошным воротником из норки, с круглой шапочкой на светлых волосах – вот уж кто выглядел настоящей Дюймовочкой среди толстеньких гномов-кротов. На пальцах – перстни, на поясе – тетрадь в кожаном с золотом переплёте и карандашик на цепочке болтается. Я знаю, что Генрих попросил её разобраться с

финансами клана, вот она и проводит неспешную инвентаризацию. Записывает все сокровища подземного дворца. Освоилась она тут гораздо быстрее меня и уж точно ни капли не расстроилась, что обратно нас не отпустили. Ей-то хорошо, ее замуж не заставляют за незнакомого мужика выйти. Она стала женой отца своего ребёнка.

– Лилия, ну что тут такого? – улыбается мне мама. – Замужем хорошо.

– Ага, конечно. Особенно, если тебе рожать не надо.

– А вдруг получится? – мама улыбается как-то не очень уверенно.

– У тебя? Даже не думай. Твой муж пытался. У него нежизнеспособные сперматозоиды.

– Тут неплохие целители... Магия, опять же... Артефакты...

– Мама! Ты в самом деле думаешь, что ОН не пробовал?

– С местными женщинами пробовал, конечно...

– Мама, тебе сорок восемь лет!

– Девочка, успокойся... – да она даже разговаривать стала, как ЭТОТ. – Рано пока переживать.

– А хотя знаешь... – я уже научилась управляться с папахеном, наверное, и с мамой прокатит. – Рожай, рожай. Только обязательно мальчика. Тогда меня отпустят обратно. Там квартира есть. Брюлики продам и буду жить припеваючи.

– Лилечка, так я уж старая, – тут же сменила пластинку мама. – Даже если и забеременею, надо ещё выносить и родить. Ты уж не подведи.

И вот тут-то, я считаю, настал момент истины, ради которого я вообще мать от её важных дел оторвала.

– Понимаешь, я кота в мешке не могу в качестве мужа рассматривать, – сообщила я. – Мне б товар лицом посмотреть.

Мама прищурилась.

– Я так думаю, рассматриваем только князей? – заговорщицки понизила она голос.

– Разумеется! И в первую очередь, Холодного.

– Поняла тебя. Узнаю, как это можно сделать.

И ведь узнала!

Вечером ко мне прибежала взъерошенная Грэта, передела меня в платье служанки, фартук повязала, косынку – чтобы волосы не видно было светлые, и поволокла меня за собой. Смотреть на жениха.

– А где смотреть-то? – на бегу спрашивала я. – Папахен... в смысле, князь не узнает? Он же запретил на ужине показываться.

– Какой ужин, Лилия Генриховна! Всё уже закончилось давно. В бане ваш Холодный, вот и посмотрите там во всей красе.

В бане? Ой, мамочки! В смысле, мамочка, ты совсем с ума сошла? Но возразить я уже не успела, потому как Грэта меня уже втолкнула в дверь, за которой клубился пар. Я мгновенно взмокла, платье неприятно прилипло к телу, в глазах потемнело. Попыталась выйти, но хитрая горничная явно придерживала дверь, чтобы я не передумала.

Я, проморгавшись, огляделась и едва не застонала от ужаса. Посередине небольшой комнаты стояла деревянная лохань, в которой видел спиной ко мне голый мужчина. Рядом стояла бочка с водой и лавка, на которой лежала стопка полотенец и мыло с мочалкой.

Офигенная ситуация!

9. Жених

Подглядывать за голыми мужчинами мне ещё не приходилось. Было стыдно и весело. Приходилось делать над собой усилие, чтобы не жмуриться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.